

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-3. – С. 137-141.

19. Петров И.В. Скандинавские письменные источники о торговых правоотношениях Древней Руси // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 81-82.

20. Петров И.В. Сочинение арабского географа Ибн Русте как источник по истории торговых и финансовых правоотношений у восточных славян и на Руси // Мир юридической науки. – 2010. – № 12. – С. 32-35.

21. Петров И.В. Старая Ладога – столица Славии и Руси // Регион: Политика. Экономика. Социология. – 2000. – № 3.

22. Петров И.В. Таможенно-правовые отношения купцов Древней Руси с соседними и другими государствами // Мир юридической науки. – 2010. – № 5. – С. 46-50.

23. Петров И.В. Эволюция политических структур Южной Руси и расцвет Днепро-Деснинского денежного рынка (VIII – первая четверть IX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 45-51.

24. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / Под редакцией профессора В.Г. Стрекозова. – М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008. – 384 с.

ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ ЗЕМЕЛЬ И ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ (ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДАНИЧЕСТВО, 3 ВИД II ТИПА)

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: ladoga036@mail.ru*

Вполне обоснованно выделить особый вид даннического типа, появившийся в начале 940-х гг. и характеризующийся частичной ликвидацией права Великого князя киевского взимать дань с некоторых территорий. Великий князь киевский сохраняет всю полноту власти, за исключением одного – дань идет не в великокняжескую казну, а в казну приближенного к государю лица.

Летописи сохранили единственный пример подобных пожалований. Объектом их стала сначала дань с уличской, а потом и с древлянской земель.

Ни в Лаврентьевском, ни в Ипатьевском списках Повести временных лет ничего не говорится об этом: лишь летописные статьи за 945 г. косвенно свидетельствуют о неординарности происшедших в правление Игоря Рюриковича событий [47, с. 54; 46, с. 42]. Зато обильный материал о персональном данничестве Свенельда дают ценнейшие известия:

1) Троицкого, Воронцовского, Комиссионного списков Новгородской первой летописи младшего извода;

2) Устюжской летописи по списку Мациевича и Архангелогородского летописца [31, с. 109, 435-436, 515-519; 54, с. 23; 1, с. 58; 53, с. 18]. Также достойны внимания Новгородская четвертая и пятая, Софийская первая, Воскресенская, Никоновская, Тверская, Львовская, Ермо-

линская, Типографская, Вологодско-Пермская, Никаноровская, Холмогорская, Новгородская карамзинская летописи, Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского, Московский летописный свод конца XV в., Летописные своды 1497 и 1518 гг. [3; 11; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 28; 29; 30; 32; 33; 49; 51; 52; 55]. В связи с особой ценностью перечисленных летописных сводов для характеристики статуса уличей и древлян в первой половине 940-х гг. целесообразно привести сообщаемые ими данные.

Согласно Троицкому списку Новгородской первой летописи, «Игорь же сядяше в Киеве княжа, и воюа на Древяны и на Угличи. И бе у него воевода Свенелдъ, и премучи Угличи и възложи на нь дань, и вдасть Свенелду. И не вдадышетца единъ град, именемъ Пресичень. И седе около его три лета, едва взя. И бешаседяще Угличи по Днепру вниз, и посемь приидошабо и Днестръ и седошатамо. И дасть же дань Деревьскую Свенелду, и маше по черьне куне от дыма. И реша дружина Игореви: «се даль еси единому мужеви много»... В лета 6448 (940). Въ се лето яшася Угличи по дань Игорю, и Пересичень взять бысть. В се же лето дасть дань на них Свенелду... В лета 6450 (942). В дасть дань Деревьскую Свенелду тому же... В лета 6453 (945). В то же лето рекоша дружина ко Игореви: «отроци Свенелжиизо делися суть оружемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мъ». И послуша ихъ Игорь, иде в дани и насыляше имь и мужи его; и возма дань...». Аналогичные данные содержатся в Воронцовском и Комиссионном списках Новгородской первой летописи [31, с. 109, 435-436, 515-516]. Таким образом, различные списки Новгородской первой летописи сообщают точные даты дарования уличской и древлянской дани Свенельду – 940 и 942 гг.

Как зафиксировано Архангелогородским летописцем, «Игорь же нача княжити в лето 6420. Сядяше же Игорь в Киеве, княжа и воюа на древяны и на улицы. О жениже сяво Пскове, понят за себя Ольгу 10-ти лет, бебо красна велми и мудра. И бе у Игоря князя воиводе, во Олга место, имянемъ Свиндел. И не вдадышася Игорю единому град имянемъ Пересечень, и седе Игорь около сего 3 лета, но едва взят его. И бешаседеша улицы по Днепру вниз, и посем поиде по Днепру и седетамо. Дасть же древнюю скую Свинделу воиводе. Начат же Свинь делимати по черной кунице от дыма, и реша боляре Игореви: «Дал еси единому человеку много». В лета 6448 (940). Яшася улицы по дань Игорю. В сем лете взят бысть Пересечен град, и дань дасть Свинделу же. В лета 6453 (945). Рекоша боляре Игореви: «Княже, отроци Свинь делови изоделися суть коньми, и оружии, и всяким доспехом, и порты полны, а мы нази, неконны и неоружны; поиди, княже, с нами в землю Древяскую, а то и ты добудеши и мъ». И послуша их Игорь,

иде в Древляны и прибави к первой дани; и насилаше им Игорь и вои его, и взем дань, и поиде к Киеву...». Сходный текст содержится в Устюжской летописи по списку Мацевича [1, с. 58; 53; 54]. Устюжские летописные своды, таким образом, сообщают только дату дарования уличской дани Свенельду – 940 г. В то же время важно уточнение их относительно статуса Свенельда – «во Олга место» – следовательно, этот воевода был весьма влиятельной особой, коль скоро летописец сравнивает его с Олегом Вещим.

Никоновская летопись и большинство других манускриптов не дают точной даты установления персонального данничества древлян и уличей, все события помещая под один год: «В лето 6422. Иде Игорь на Древляны, и победивъ я възложи на ня дань болши Олгове. И бе у него воевода, именовъ Свенелдъ; и премучи Угличи, и възложи на ня дань Игорь, и даде Свенелду. И не дадесе ему единъ градъ, именовъ Пересечень, и седе около его три лета, и едва взять его. И бешаседаше Угличи по Днепру внизъ; и по семь приидоша межю воинъ Дестръ, и седошатамо. И даде дань Деревскую Свенелду, и имаше по черне куне с дыма. И реша дружина Игорева: «се даль еси единому мужеву много» [20, с. 26-27].

В Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях сообщается об обложении уличей данью в пользу Свенельда в том же размере, что и древлян – по черной куне с дыма [3, с. 17; 28, с. 20]: «В лето 6422. Иде Игорь на Древлян и победи я, и възложи на них дань болши Олгови. И бе у него воевода именовъ Свенелдъ и премучи Угличи, и възложи на них Игорь дань. И по сем Свенелдъ взя град Пересечень, и възложи на них Игорь дань. И бяху сидящи Угличи по Днепру вниз, а взя их Свенелд, и възложи на них Игорь дань по черне куне з дыма» [3, с. 17].

Можно было бы сомневаться в объективности летописных свидетельств, особенно в их части, касающейся Пересечена и его трехлетней осады. Однако и в Троице Гомера мало кто верил до сенсационных находок великого Шлимана: Пересечен – фактически русская Троя, о нем, должно быть, тоже слагали легенды и песни, впоследствии забытые.

То, что уличский Пересечен – не легенда – доказывают данные так называемого Географа Баварского, сообщавшего, что уличи (Unlizi) – многочисленный народ и им принадлежит 318 городов [18, с. 19-25; 27, с. 14]: почему же воины Игоря и Свенельда не могли осадить один из них?

Относительно даннического статуса древлян и уличей сообщает и Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей»: «Остальные же четыре рода (печенегов) располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям,

а именно... фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами» [7, с. 170-171; 17].

Крайне примечательно, что ни древляне, ни уличи, несмотря на обложение их данью в пользу Свенельда, не были упомянуты в числе племен, отправивших свои отряды в войско Игоря Рюриковича в его втором походе на Византию 944 г. В Лаврентьевском списке Повести временных лет зафиксировано: «Игорь же совкупивъ вои многи: Варяги Русь и Поляны, Словени и Кривичи, и Тверьце и Печенеги наа и тали оу нихъ поя» [47, с. 45]. Можно предполагать, что они не приняли участие в указанном предприятии. В то же самое время ни в летописном тексте, описывающем данный поход, ни в тексте русско-византийского договора 944 г., нет имени Свенельда; в тексте же русско-византийского договора 971 г. это имя присутствует, причем прямо после имени самого Святослава Игоревича: «Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемъ князи Рустемъ, и при Свенальде» [47, с. 72]. Очевидно, что Свенельд не участвовал во втором походе Игоря на Царьград; не приняли в нем участие древляне и уличи. Это может быть объяснено тем, что только к 940 г. Свенельд усмирил уличей, а верность древлян также была под сомнением. Таким образом, статус древлян и уличей к 944 г. отличался от статуса полян, словен, кривичей, тиверцев, принявших участие в походе 944 г.

Следовательно, мы можем рассматривать упомянутые выше летописные известия в качестве надежного и достоверного источника и делать соответствующие выводы об уникальном политико-правовом статусе уличей и древлян в начале 940-х гг. Теперь внимательнее рассмотрим, что представлял в деталях этот статус.

Во-первых, воевода Свенельд получил от Великого князя киевского определенного рода пожалование. Игорь Рюрикович «вдасть» дань своему воеводе, после того, как размеры ее были им установлены («и възложи на нь дань») [31, с. 515; 20, с. 26]. Из этого следует, что право определения размера дани оставалось за Великим князем киевским, а право взимать передавалось Свенельду.

Во-вторых, Свенельд сам должен был заботиться, каким способом обеспечить получение дани, сам осуществлял ее сбор и пользовался ею («И дасть же дань Деревскую Свенелду, имаше по черне куне отъ дыма», в результате чего «отроци Свенелжи изоделися суть оружьем и порты» [31, с. 516]). Следовательно, у него была многочисленная дружина, также обогатившаяся за счет богатств уличей и древлян, и которой завидовали даже великокняжеские дружинники [31, с. 516; 47, с. 54].

В-третьих, многие уличи не желали власти Игоря Рюриковича и не признавали прав

Свенельда. Трехлетняя осада Пересечена была, несомненно, одной из ярчайших страниц в борьбе племенных структур против центральной власти.

В-четвертых, летописи позволяют датировать придание уличским и древлянским землям нового статуса – для первых – 940 г., для вторых – 942 г. [31, с. 516].

В-пятых, древляне платили дань натурой – по черной кунице от дыма [31, с. 516; 54, с. 23; 51, с. 47; 20, с. 27], а об обязанностях уличей большинство летописей молчит (кроме спорных свидетельств Вологодско-Пермского и Никаноровского манускриптов). Тем не менее, летописные свидетельства о богатствах, доставшихся Свенельду и его дружине, позволяют полагать, что торговля ими была необыкновенно выгодна, что косвенно подтверждают известия арабско-персидских авторов о высоко развитой торговле русов пушным зверем [14, с. 35; 13]. В любом случае, дань материализовалась в виде коней, оружия, доспехов, одежд, доставшихся Свенельдовой дружине [54, с. 23; 47, с. 54] и, конечно, огромных богатств, приобретенных самим воеводой.

Таким образом, мы имеем дело с особым политико-правовым статусом древлянских и уличских земель в первой половине 940-х гг., для которого характерно:

1) Ограничение прав суверена – Великого князя киевского – в получении дани с обширных древлянских и уличских владений;

2) Наделение вассала правом взимания дани без облечения его стандартным набором суверенных сеньориальных прав (невмешательство сюзерена во внутренние дела вассала, право вассала вершить суд и получать судебные пошлины и т.д.);

3) Ненаследственный характер пожалования, поскольку:

а) Игорь даровал дань лично Свенельду [31, с. 516; 54, с. 23; 51, с. 47; 20, с. 26-27];

б) сын Свенельда, Лют, пытавшийся охотиться в древлянских лесах в 975 г., был воспринят вельможами Олега Святославича как нарушитель княжеских прав и убит [47, с. 74; 46, с. 62];

в) никто из потомков Свенельда не удержал за собой пожалования Игоря Рюриковича.

Для Руси пожалование дани лично Свенельду было довольно необычным явлением. По крайней мере, ни разу больше в источниках, повествующих о X в., не упоминается нечто подобное. Однако сам институт кормлений был весьма развит, но он не был персональным, как в случае со Свенельдом. Константин Багрянородный сообщает, что русские «архонты выходят вместе со всеми росами из Киава и отправляются в полюдиа» [17, с. 51]. Речь идет обо всех росах и их правителях – архонтах, а не о каком-то одном знатном вельможе.

Пожалование дани с таких огромных земель могло иметь место только тогда, когда шло фор-

мирование Древнерусского государства, когда нужна была твердая рука, способная удержать только что завоеванные племена в повиновении.

Владение Свенельда не было бенефицием или леном в западноевропейском понимании этого слова. Ведь бенефициарий получал в свое владение землю [57, с. 119; 15, с. 119], а не право взимания с зависимого населения строго фиксированного количества дани.

Сближало же бенефиций каролингской эпохи с дарованием Игоря Рюриковича обязанность бенефициария или воеводы типа Свенельда являться на военную службу к своему сюзеру, а также срочный характер пожалования [15, с. 119]. Свенельд получил право сбора и пользования уличской и древлянской данью отнюдь не в наследственное владение, что на начальной стадии было характерно и для бенефиция.

Вскоре бенефиций превратился в наследственное пожалование, тем самым еще больше став непохожим на право дани Свенельда, определяемое рядом отечественных историков как система «фьефов-денег» [48]. В качестве специального термина фьеф впервые появился, по мнению Жака Ле Гоффа, в начале XI в., получив «распространение в своем техническом значении к концу столетия» [12, с. 90]. Применение термина «фьеф» для реалий Русской жизни X в. кажется несколько спорным: ведь фьеф – земельное владение, а дарования Игоря Рюриковича отнюдь не заключались в пожалование земель. Фьеф и персональное данничество – родственные, но все-таки не равноценные институты.

«Пожалование» Игоря Рюриковича имеет сходство, как это ни парадоксально, не только с западноевропейскими, но и с восточными феодальными институтами.

Еще в эпоху халифата Омайядов и Аббасидов существовала особая форма землевладения «икта», которую за службу халифу получали чиновники и офицеры.

Л.С. Васильев определяет ее как условное владение «с правом взимать принадлежащую казне ренту-налог (включая и подушную подать, если она взималась)»; при этом «условные владения типа икта, обычно передававшиеся по наследству от отца к сыну (при условии, что сын наследует должность отца и служит, например, в качестве офицера), имели заметную тенденцию превратиться в отчуждаемую собственность их владельцев» [2, с. 270-271].

Как отмечал Ибрагим Т., в классическом исламском праве «мукта (хозяин икта), в отличие от феодального сеньора западноевропейского средневековья, не имел власти над населением и обычно не жил в своем «поместье»» [58, с. 145].

В энциклопедическом издании «Ислам: Энциклопедический словарь» икта определяется как «передача государством права получения хараджа с определенной территории».

В IX-X вв. законоведы особо выделяли разновидность икта – истиглал, «с правом сбора хараджа в свою пользу», которая «обычно и подразумевается исследователями, когда идет речь об «икта» как о форме условного феодального землевладения» [59, с. 94].

Как видим, «пожалование дани» Великим князем киевским имеет много общего с икта – и в том, и в другом случае имеет место право конкретного лица получить с определенной территории те или иные материальные блага; получателем в обоих случаях может быть только субъект, находящийся на службе халифа или Великого князя киевского. Единственным отличием является то, что икта при определенных условиях могла передаваться по наследству. Свенельд же не смог обеспечить передачу пожалования даже родному сыну. Таким образом, можно сделать вывод об огромном сходстве икта омайядских и аббасидских халифов и пожалований первых Рюриковичей.

Следует иметь в виду, что связи с мусульманским Востоком в VIII-X вв., в частности, торговые, были куда более интенсивны, нежели с Западной Европой, что доказывает огромное количество куфических монет, имевших хождение в это время на территории Восточной Европы [40; 45; 60-76]. Поэтому не исключена вероятность влияния исламской правовой и политической культуры также и на отдельные элементы формы Древнерусского государства.

Аналогом икта и пожалований дани являлся тимар в Османской империи. Кавалеристы-сипахи, несшие регулярную службу, получали за нее тимар – условное наследственное владение с правом взимания с земледельцев строго определенной суммы, которая являлась частью ренты, выплачиваемой ими в султанскую казну. «Тимар обычно измерялся не количеством земли и не численностью обрабатывавших ее земледельцев, а суммой взимаемого тимариотом годового дохода, за счет которого он должен был экипироваться. Тимар не был поместьем... а только правом на определенную сумму налога...» [2, с. 284].

В Сефевидском Иране существовала еще одна разновидность омайядского икта, именованная тиулем. То было условное ненаследственное пожалование с правом пользования четко определенной суммой взимавшихся с крестьян налогов [2, с. 299].

Больше всего пожалование дани походило на джагиры в Индии (эпоха Великих Моголов). «Джагир – условное пожалование. Получивший его обязывался содержать соответствующие величине джагира отряды войск, из которых и состоял основной костяк армии правителя. Земля, отданная в джагир, продолжала считаться государственной собственностью. Размер, способ и форма взимания поземельного налога определялись не самим джагирдаром, а государством; владения джагирдара обычно не передавались

по наследству и после смерти владельца отходили в казну. У джагирдара могли отобрать одно владение и предоставить ему взамен другое» [16, с. 208-209].

Таким образом, пожалование дани обнаруживает больше сходства со средневековыми восточными институтами (икта, тимар, тиуль, джагир), нежели с западными (бенефиций и фьеф).

Икта и ее производные – тимар, тиуль, джагир – есть пожалование ренты-налога; бенефиций же – пожалование земель. Пожалование Великого князя киевского воеводе Свенельду подразумевало не право на земли уличей и древлян, а лишь на часть собираемой с них дани. В этом близость икты и ее производных с пожалованием Игоря Рюриковича. Не исключено, что мы имеем дело с заимствованием некоторых элементов икты VII-X вв. древнерусскими правителями X в.

Рассмотрим права и обязанности сюзерена, равно как и права и обязанности вассала.

Права сюзерена (Великого князя киевского Игоря Рюриковича):

1. Сохранять сюзеренитет над древлянами и уличами.

2. Взимать с них определенную часть от общего размера дани (так, например, поступил Игорь в 945 г., когда обложил древлян данью и последние не сопротивлялись до тех пор, пока алчный государь не потребовал дополнительных выплат).

3. Изъять пожалование после смерти вассала, а, при определенных условиях, и при его жизни (обстоятельством, вынудившим изъять древлянскую дань из рук воеводы, явилось древлянское восстание и последовавшие реформы Ольги, которая установила в 946 г., что две трети дани будут идти в Киев, а одна треть – в Вышгород, в любом случае минуя прежнего обладателя – Свенельда).

Обязанности сюзерена (Великого князя киевского Игоря Рюриковича):

Признать законной собственностью дань, собранную вассалом, кроме суммы, идущей на вооружение его дружины.

Права вассала (воеводы Свенельда):

1. Взимать дань с пожалованных земель:

- а) с древлян – «по черной кунице с дыма»;
- б) с уличей – ?

2. Пользоваться собранной данью, кроме суммы, предназначенной для содержания дружины.

Обязанности вассала (воеводы Свенельда):

1. Удерживать в повиновении древлян и уличей; при необходимости подавлять восстания (иначе нельзя объяснить действия Игоря Рюриковича, усилившего Свенельда в ущерб своему могуществу; осада Пересечена есть яркий пример осуществления вассалом своих обязанностей).

2. Содержать за счет части собранной дани боеспособную дружину и обеспечивать ее вооружением и экипировкой (по словам летописца, дружинники Свенельда уже в 945 г. «изоделись оружием, одеждой и коньми»).

Список литературы

1. Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей. – Т. XXXVII. – Л.: Наука, 1982.
2. Васильев Л.С. История Востока. – Т. 1. – М., 1994.
3. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XXVI. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959.
4. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. – Москва-Иерусалим, 1997.
5. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1992.
6. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. – Том II: Византийские источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. – Том III: Восточные источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.
9. Древняя Русь в свете зарубежных источников. – Том IV: Западноевропейские источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
10. Древняя Русь в свете зарубежных источников. – Том V: Древнескандинавские источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.
11. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XXIII. – СПб., 1910.
12. Ж. Ле Гофф. Цивилизация Средневекового Запада. – М., 1992.
13. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Пер., коммент., исслед., укази карты Н. Велихановой; АН АзССР, Институт востоковедения. – Баку: Элм, 1986.
14. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадыарах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея. Перевод Д.А. Хвольсона. – СПб., 1869.
15. История Европы. – Т. 2. Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992.
16. История Индии. – М., 1973.
17. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М.: Наука, 1991.
18. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в. / Составление, перевод, комментарий М.Б. Свердлова. – М.: Институт истории СССР, 1989.
19. Лев Диакон. История. Перевод М.М. Копыленко. – М.: Наука, 1988.
20. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. IX. – М.: Языки русской культуры, 2000.
21. Летописный свод 1497 г. // Полное собрание русских летописей. – Т. XXVIII. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963.
22. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // Полное собрание русских летописей. – Т. XXVIII. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963.
23. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. – Т. VII. – СПб., 1856.
24. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XX. Часть 1. – СПб., 1910.
25. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. – Л.: Издательство ЛГУ, 1945.
26. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. – Т. XXV. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949.
27. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. – М.: Наука, 1993.
28. Никаноровская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XXVII. – М.: Языки славянской культуры, 2007.
29. Новгородская карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XLII. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002.
30. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. – Т. XLIII. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950.
32. Новгородская пятая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. IV. Часть 2. Выпуск 1. – Петроград, 1917.
33. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. IV. Часть 1. Выпуск 1. – Петроград, 1915.
34. Петров И.В. VIII-X вв. как особый период истории государства и права восточных славян и Древней Руси // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 1. – С. 124.
35. Петров И.В. Государственное управление в области таможенного дела в Древней Руси // Мир экономики и права. – 2010. – № 6. – С. 69-71.
36. Петров И.В. Государство и право Древней Руси (750-980-е гг.). – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. – 413 с.
37. Петров И.В. Государство и право Древней Руси в 882-980 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность-12.00.01 Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений (по правовым наукам) / Северо-Западная академия Государственной службы. Санкт-Петербург, 1999.
38. Петров И.В. Древнерусские летописи как источник по истории торговли и торговых правоотношений в Древней Руси (IX-X вв.) // Мир экономики и права. – 2010. – № 9. – С. 36-40.
39. Петров И.В. Купечество и торговые объединения Древней Руси в X – начале XI вв. // Мир экономики и права. – 2010. – № 11. – С. 45-48.
40. Петров И.В. Периодизация обращения куфического дирхема и региональные денежные рынки (VIII-IX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4-3. – С. 137-141.
41. Петров И.В. Скандинавские письменные источники о торговых правоотношениях Древней Руси // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 81-82.
42. Петров И.В. Сочинение арабского географа Ибн Русте как источник по истории торговых и финансовых правоотношений у восточных славян и на Руси // Мир юридической науки. – 2010. – № 12. – С. 32-35.
43. Петров И.В. Старая Ладога – столица Славии и Руси // Регион: Политика. Экономика. Социология. – 2000. – № 3.
44. Петров И.В. Таможенно-правовые отношения купцов Древней Руси с соседними и другими государствами // Мир юридической науки. – 2010. – № 5. – С. 46-50.
45. Петров И.В. Эволюция политических структур Южной Руси и расцвет Днепро-Деснинского денежного рынка (VIII – первая четверть IX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 45-51.
46. Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – М.: Издательство АН СССР, 1962.
47. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – М.: Издательство АН СССР, 1962.
48. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. – Л.: Наука, 1983.
49. Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. V. Выпуск 1. – Л., 1925.
50. Татищев В.Н. История Российская. – Книга II. – М., 1773.
51. Тверская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XV. – М., 2000.
52. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XXIV. – Петроград, 1921.
53. Устюжская летопись (список Мациевича) // Полное собрание русских летописей. – Т. XXXVII. – Л.: Наука, 1982.
54. Устюжский летописный свод. – М.-Л., 1950.
55. Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XXXIII. – Л.: Наука, 1977.
56. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе. – Т. I. – Петроград, 1919.
57. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. – М., 1996.
58. Ибрагим Т. Основные ценности и институты классического ислама // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 10. – С. 138-146.

59. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
60. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волга, Клязьма (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 5. – С. 83-84.
61. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 136-137.
62. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Днепр, Десна (825-859 гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 6. – С. 28.
63. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Западная Двина – Днепр (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 57-58.
64. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Прибалтика (825-859 гг.) // Современные наукоемкие технологии. – 2012. – № 7. – С. 8.
65. Петров И.В. Восьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: деятельность Рюрика и финансовые потоки 860-870-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
66. Петров И.В. Второй этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (750-760-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 71-72.
67. Петров И.В. Девятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: финансовый кризис 880-890-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
68. Петров И.В. Древнейшие восточные монеты Волховско-Ильменского региона (VI – первая половина VIII в.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 139.
69. Петров И.В. Крупнейший восточноевропейский клад (IX в.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 116.
70. Петров И.В. Первый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (700-740-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 68-71.
71. Петров И.В. Пятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе (800-е – первая половина 820-х гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 3. – С. 17-19.
72. Петров И.В. Пятый этап обращения куфического дирхема и Минское монетное скопление (790-е гг.; 800-е – 1 пол. 820-х гг.) // Современные наукоемкие технологии. – 2012. – № 12. – С. 42.
73. Петров И.В. Седьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: варяги, хазары и финансовый коллапс 850-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
74. Петров И.В. Третий этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (770-780-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 72-76.
75. Петров И.В. Четвертый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (790-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 76-77.
76. Петров И.В. Шестой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе, время расцветов и кризисов (825-849 гг.) // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 5. – С. 36-38.

**ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ: ТИПОЛОГИЯ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ
ЗЕМЕЛЬ И ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ
(ДОГОВОРНОЕ ДАННИЧЕСТВО,
УСТАВЫ, 1 ВИД II ТИПА)**

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург, e-mail: ladoga036@mail.ru*

В настоящей статье будет рассмотрена проблема одной из разновидностей договорного данничества, которое правомерно назвать уставным.

Со времени создания Древнерусского государства форма рядов, договоров, уставов становится весьма распространенной. Олег в 882 г. «устави дани словеномъ, кривичемъ и мери». Ольга в 947 г. «устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани» [15, с. 14, 29]. Великие князья стремились упорядочить сбор дани, однако для этого им требовался стандарт, определенный в правовом акте. Не о нем ли свидетельствуют летописи, сообщая об установлении даней в том или ином регионе. Термин «устави дани» означал, в отличие от «имаша на нихъ дань», определенную упорядоченность и определенность количества дани, времени и места ее сбора. Не исключено, что «уставы» Олега имели характер локальных или общегосударственных правовых актов, четко определявших характер и размеры налогообложения. Тем более это вероятно, учитывая то обстоятельство, что аналогичные действия осуществляла Ольга в 947 г.

Один «устав» Олегов сохранил свое значение до середины XI в. В Повести временных лет сообщается: «Се же Олегъ нача городы ставити, и оустави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даятиотъ Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ» [15]. Сфера действия этого «устава» весьма значительна – приблизительно с 882 по 1054 гг. Как бы данный устав не интерпретировать, едва ли следует сомневаться в его стабильности и важности для поддержания мира в Северной Руси. Невероятным кажется предположение, что одна только память новгородцев могла сохранять предание об их обязанности выплачивать в течение 172 лет ежегодно триста гривен. Логичнее предположить некий документ, регламентировавший эту обязанность, утративший силу только к середине XI в. Однако в некоторых летописных сводах отразилось воззрение на рассматриваемый устав как на еще действующий правовой акт: «Сий же Олегъ нача городы ставити, и дани устави по всей Русстей земле; Словеномъ и Кривичамъ и Меряномъ дань даяти Варягомъ, а отъ Новагорода триста гривенъ на лето мира деля, еже и ныне даютъ» (Никоновская летопись) [3, с. 15]; «И нача Олег грады ставити и дань оустави по всей земли, с Новагорода по 300 гривен, иже и доньше даютъ» (Летописный свод 1497 г.) [4, с. 14]; «И начаша Олег грады ставити и дань оустави по всей земли, с Новагорода по 300 гривен, иже и доньше даютъ» (Летописный свод 1518 г.) [5, с. 168]; «И дани устави по всей земли, с Новагорода по 300 гривенъ, и дань возложи на Деревляны и на Северяны» (Ермолинская летопись) [2, с. 3]. Согласно реконструкции А. Шахматова текста Новгородского свода 1050 г., «сии же Олегънача грады ставити и дани устави Словеномъ Варягомъ и Кривичемъ и Мери,